

> ПОЭЗИЯ Глазами ребенка

ВЛАДИМИР БАКАНОВ
– казачий краевед, вос-
певший станицу Магнит-
ную.

Но мало кому известно, что он и автор ряда детских стихотворений, написанных в конце 50-х годов: «Растет сынишка», «Мой самый лучший стих», «Смотрит Коля из окошка...» Отличительная особенность этих стихотворений – смотреть на мир чистыми и добрыми глазами ребенка.

«Смотрит Коля из окошка...»

У окошка сидит Коля.
Как же скучно одному:
Саша – в школе,
мама – в школе...
Только нету дел ему.
Он сначала шить
принялся
Из бумаги парашют.
Только парашют порвался:
Ведь его из шелка шьют.
Он тогда голубок стаю
Разномастных накроил,
Но плохие – не летают,
Сколько их ни мастерил.
Что же делать?
Скучно Коле!

Замечтался:
вот бы стать,
Хоть охотником бы
что ли...

Стал бы,
если б смог читать.
Скучно Коле поневоле:
Мама – в школе,
Саша – в школе...

Посмотрю-ка я немножко,
Что творится
за окошком...

Пододвинул
стул массивный,
Сел к балконному окну:
Как на улице красиво!
Вот побегать бы

немного,
Хоть минуточку одну.
Вон – Наташа,
Миша, Вова

Что-то делают: «Дай, мое...»
А вон – тетя Соколова
Сушит чистое белье...
Вон – корова,
как спросонок,

Ходит медленно, ей лень...
Рядом –
рыженький теленок.

Ему жарко, надо в тень...
Небо чистое такое.
Солнце греет
во всю мочь...

Вон – Светланка
что-то роет,
Побежать бы
ей помочь...

С самокатом вышел Леня,
Независимо и гордо.
Вот так да!

Теленок-соня
Тычет в одеяло мордой!
«Куда лезешь,
не умывшись?»

Это – тети одеяло, –
Крикнул Коля,
позабывшись, –
Хочешь,

чтоб тебе попало?
Ах, противный!
Тетя слушит,
Постирает.

Что?..
Твои не слышат уши?
Хочешь,

чтоб всем попало?..»

Материнское чутье

> Окружающих Ваня воспринимал такими, какими они хотели выглядеть

ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ о человеке, с которым прошел рядом не одну сотню километров. И больше всего побуждает меня искушение написать о нем, потому что сам о себе он сказать уже ничего не сможет.

Ваня Юрин был единственным сыном у матери, и она, как говорится, в нем души не чаяла. Не раз приходила к нему в часть, благо, та располагалась недалеко, и пока до отправки на фронт оставалось какое-то время, его мама этим пользовалась. Приносила продукты, какие случалось выкроить от семейного стола. Немного: лишнего у нее не было. А с наступлением холодов – теплые носки, перчатки, свитер и другие мелочи. Такое было обычным делом в те годы. В последний раз угадала прийти как раз именно в тот день, когда у нас закончились сборы для отправки в часть, уходящую на фронт.

Мама его, с котомкой на спине, в затерханном полушубке и валенках, дождалась Ваню у ворот нашего выхода – и долго потом еще шла рядом с колонной.

– Старшина, к Юрину мать пришла, пусть он выйдет из строя.

– Не я команду колонной.

– Ну, скажи командиру.

– Это долгая история... Ладно, Юрин, выходи.

Они обнялись, и мать пошла рядом с сыном. Так под руку с сыном добралась она до станции погрузки, а когда началась отправка, мать не удержала надрывных рыданий.

– Не надо, мама, перестань, не надо... Ну, стыдно же... – дрожащим голосом уговаривал ее Ваня.

Но она никак не могла остановиться. Словно сердцем чуяла, что смерть не пройдет мимо ее кровиночки, такого нескладного, незащитного мальчишки. И чутье не обмануло ее.

Ваня выглядел моложе своих лет – не только внешним видом, но и своим складом своим, своей наивной доверчивостью и непосредственно-

стью. Как в школе он верил каждому слову учителя – так верил перволашки, так и в армии воспринимал он людей – такими, какими они хотели выглядеть. Придя в дивизию, искренне восхищался наводчиком первого взвода Астаховым, считая его героем, потому что старожилы рассказывали, как в Сталинграде во время ружейно-пулеметной перестрелки он выскакивал на бруствер и, размахивая кулаками, кричал немцам: «Прекратить огонь!» Таким ухарем Астахов хотел выглядеть и в условиях казармы. И хотя не всегда и не все у него получалось, Ваня оставался при своем мнении. Командира роты Ваня считал Чапаевым, потому что тот любил хоровые песни, прекрасно начинал и так же прекрасно тянул первым голосом «Ой ты, хмелью». Конечно не опера, но все-таки...

Ваня не курил, не сквернословил, хотя это считалось тогда обыкновенным делом, и даже модным, и многие чуть ли не гордились сомнительным умением завернуть некую соленость, да так, чтобы и уши, и разум нормального человека покраснели.

– Вот ловкий, шут, – сказал он однажды о Бубенчикове, своем товарище – подносчике патронов. – Устроился в штат к старшине. Знает, хитрец, где лучше...

И улыбался доверчиво детской улыбкой, одобряя практичность своего сослуживца, и как будто радовался за него. Хотя Ваня еще не мог знать тогда, что на фронте не угадаешь, где лучше, где хуже, где смерть ближе, где дальше, и что Бубенчиков ловко и хитро ушел только от одной из лямок военных передраг: мы тянули пулеметы по снежной целине, не получая по три-четыре дня никаких продуктов. Может, от этого и смог уйти Бубенчиков, но от смерти – нет. Однажды, при переходе к передовой, на привале, когда люди валились с ног после очередного изнурительного перехода и никому не было дела,

что творится вокруг, мы с тупым безразличием, поминутно засыпая, наблюдали, как армадой пикировали «юнкерсы» на небольшой лесок справа от нас метрах в четырехстах и, сотрясая землю, рвались там бомбы. И даже в нашу сторону, по нашей распластанной колонне, прозвучало несколько пулеметных очередей с их стороны, когда самолеты заходили на одну из своих бомбежек. Говорили потом, что в лесу якобы стояли наши танки, и весь сыр-бор с воздушным налетом произошел именно из-за них. Правда то было или нет – кто знает... Только точно стало известно впоследствии, что в том самом лесу была наша кухня, и вся кухонная прислуга, приставленная к ней, в том числе и старшина Пинта, и Бубенчиков, – все там погибли.

Ваня же с того дня прожил тоже немного – недельку, не больше. Он успел отмахать несколько десятков километров в одной упряжке с нами, успел поспать на снегу, поесть мясо убитых лошадей, если таковые попадались после какой-нибудь перестрелки. Однажды кто-то из товарищей – сам он так устал, что не мог пройти лишнего шага, – принес ему легкое от лошади, но сварить его не дала команда начальства – «Рота, подъем!», и он был вынужден есть на ходу недоваренное мясо, из которого обильно выступала пена.

А в последнюю ночь перед боем Юрину еще и выпало стоять на посту. Представляю, как его мучительно одолевал сон, и, чтобы не заснуть, он все ходил, ходил, а ноги ныли от усталости и были несказанно тяжелыми... Незаметно для себя он остановился, оперся руками о карабин, опустил голову на руки и, ощутив на какой-то миг всем естеством своим блаженное состояние тепла и покоя, так и замер в неподвижности, забывшись на какое-то время, а потом... упал и проснулся. И снова ходил взад и вперед, как маятник, и снова хотелось спать, и снова – приказы самому себе «не

спать», «нельзя» и механическое переступание с ноги на ногу...

И вот первый бой. На исходе дня батальон вышел с места дневки и заколыхался в походном порядке. Шли логом. Без единого выстрела до конца оврага. Остановились. На ровной площадке был родничок – веселый такой, сверкающий серебром кусочек природы. Но не это главное – рядом с ним, на спине, лицом вверх, лежал мертвый немец. Молодой, белокурый, благородный высокий лоб, необезображенное, чистое, без единой царапины лицо. Обмундирование свежее, безупречно отглаженное. По-видимому, офицер был расстрелян своими же. Нас охватило тягостное чувство: как-то противоестественно было видеть недвижимым такое молодое, едва вступающее в жизнь неопытное создание. Невольно подумалось о его родных и близких. О том, как тяжело было бы им, если б знали они, как их сын или брат брошен на поругание и забвение один-одинешенек в чужом для него краю.

– Наверное, у него есть мама... Каково ей... – с глубокой грустью сказал в тот момент Ваня.

Но тут с треском, почти одновременно разорвались несколько мин и снарядов... Сразу последовала команда начальства «Вперед!», и командиры рот повели своих солдат, рассыпав их в цепи, на взятие неприятельских высот. Едва только наши солдаты стали выходить из оврага, как засвистели пули, усилился артогонь и послышались вскоре уже привычные в каждом бою крики: «Ох, ах! Санитар!..» Огонь был настолько сильным, что пришлось залечь на гребне оврага. Снег был глубокий. Мы еле-еле вылезли с нашим «максимумом» весом под 80 кг по отвесной стороне оврага. Пока вылезли, были все в мыле. Поползли по полю, опять же по глубокому снегу. И только теперь услышали жужжанье пуль. Рикошетные звуки пронзительно страшно. Наконец, установили пулемет, заправили ленту. Нажимаю гашетку – одиночный выстрел. Перезаряжаем – опять одиночный. Приполз связной командира роты Широков:

– Командир сказал, что если он не услышит очереди из вашего пулемета, то придет и всех вас перестреляет.

Одиночными выстрелами разогрели пулемет, и он заработал. Название миновало, но немецкая пуля одного из нас все-таки достала. В какой-то момент Ваня, опершись на коробки, поднял голову. На войне этого достаточно – пуля угодила ему прямо в лоб... Тихо опустил голову Ваня, так что мы и не сразу поняли, что случилось непоправимое...

Ваню матери потом, как положено, написали: «Погиб смертью храбрых». А ведь он ей дорог любой! И храбрый, и не храбрый. Милый, незащитный мальчик, просто парнишка, наивный до простого, такой добрый и внимательный. Доверчивый, отзывчивый к окружающим, к жизни. К сожалению, она не смогла ответить ему тем же ☹

СЕРГЕЙ КУДИНОВ,
участник

Великой Отечественной войны
Редактировал и разбирал завалы
черновики его земляки
АНДРЕЙ КУДИНОВ